

«Знаете ли вы, как улыбаются и опускают глаза люди низкого звания, когда, непонятным для них образом, на их взгляд несправедливо, возносят и повышают в чине какого-нибудь человека из их среды, с которым у них вот уже никак не связывалось таких ожиданий? Эти улыбки, эти переглядыванья, эти потупленные взоры, то смущенные, то ехидные, то завистливые, а то и снисходительные, пожалуй, даже восхищенные прихотью счастья и начальства, он замечал в ту пору изо дня в день...»

Томас Манн. «Иосиф и его братья»

«Следует зрело и неоднократно обдумывать свои планы до приведения их в исполнение и, даже рассчитав все самым основательным образом, необходимо принимать во внимание несовершенство всякого человеческого знания, вследствие которого всегда могут встретиться обстоятельства, рассмотреть и предусмотреть которые невозможно, но при которых весь расчет может оказаться неверным».

Артур Шопенгауэр

«Любящий деньги не только ненавидит врагов своих, но и к друзьям относится как к врагам».

Иоанн Златоуст

Глава 1

И когда расследуешь любое преступление, тебе кажется, что оно самое важное и самое главное в твоей жизни. Кажется, что именно сейчас решается вопрос о равновесии мирового добра и зла, словно именно это конкретное преступление может решить судьбу извечного спора, в котором заведомо никогда не может быть победителя. Ибо зло обречено на самопожирание, а добро иногда перетекает в зло, и все это перемешивается таким образом, что никто из живущих не может взять на себя ответственность, разграничив тонкую грань между добром, порождающим зло, и злом, защищающим добро.

Дронго прилетел в Москву поздно вечером, когда в городе начался сильный дождь. Встречавший его Эдгар Вейдеманис приехал в аэропорт в плаще, несмотря на теплую майскую погоду. Они вышли из здания нового аэропорта «Шереметьево», который стал

удивительно удобным после того, как его перестроили. Насколько неудобным и тесным он был еще несколько лет назад, настолько просторным и удобным стал после реконструкции. Усевшись в машину, которая ждала их на стоянке, они поехали в центр города.

– Надеюсь, меня никто срочно не искал? – поинтересовался Дронго.

– Даже не надейся, – усмехнулся Вейдеманис, – все время звонят и тебя спрашивают. Твоя слава перешагнула границы, и теперь звонят даже из соседних стран. Особенно из Казахстана и Украины. Там, видимо, считают, что ты мастер на все руки.

– В каком смысле?

– Обычные личные запросы. Кому-то нужно проследить за женой, а кто-то пытается найти сбежавшего мужчину. Я пытаюсь им объяснить, что ты никогда не занимался подобными делами. И вообще, ты специалист по наиболее тяжким преступлениям. В таких случаях каждый из позвонивших считает, что именно их случай самый тяжелый. Они просто путают специфику жанра, считая тебя обычным детективом, которого можно нанять, заплатив деньги в детективном агентстве, и отправить следить за неверным мужем, искать сбежавшую любовницу или

приструнить нерадивого отпрыска. Им трудно поверить, что ты аналитик, который лично не занимается подобными глупостями.

– Для этого у настоящего сыщика должен быть свой Арчи Гудвин, – вспомнил Дронго, – это как у Рекса Стаута. Я буду сидеть неподвижно в кресле, разгадывая одну загадку за другой и обожая орхидеи, как Ниро Вульф, а ты будешь бегать в поисках преступников и сообщать мне во всех подробностях о наших расследованиях. Такой вариант тоже возможен, но мне он крайне неинтересен. Я бы хотел всегда лично участвовать в расследованиях и лично присутствовать на местах преступлений. Уже не говоря о том, что неподвижный образ жизни явно не для меня.

– Только не говори этого при Джил, – напомнил Эдгар, – ей, по-моему, не очень нравится твоя профессия.

– Она терпеть не может мою профессию и мои частые отлучки в Москву или в Баку. Джил считает, что я должен ухаживать за цветами и деревьями в ее римском доме и навсегда бросить дело, которым занимаюсь вот уже столько лет, – согласился Дронго. – Но это занятие не для меня. Без умственной работы я быстро завяну, как цветок, который

несколько дней не получал воды... Значит, ты всем отказал?

– Всем, кроме одной посетительницы.

В их небольшой офис на проспекте Мира иногда попадали и абсолютно незнакомые люди, которым удавалось узнать либо номер телефона, либо адрес, по которому обычно сидели Эдгар Вейдеманис и постоянно дежуривший на телефоне Леонид Кружков.

– Что за посетительница? – поинтересовался Дронго.

– Женщина, которая прилетела из Швейцарии, – вспомнил Вейдеманис, – ей уже под шестьдесят, и она очень плохо выглядит. Я подозреваю, что она серьезно больна. И наверняка проходит интенсивный курс лечения в Швейцарии. Но она приехала сюда, очень настойчиво тебя искала и лично явилась к нам, чтобы попросить тебя о помощи.

– Чем именно я могу ей помочь?

– Не ей. Она полагает, что ее мужу угрожает опасность, и просит каким-то образом его защитить.

– Надеюсь, ты объяснил ей, что я не работаю телохранителем? Охраной занимаются специализированные фирмы и детективные агентства. Почему она обратилась именно к нам?

– Насколько я понял, у ее мужа есть охрана, и достаточно серьезная. Но, похоже, она всерьез опасается за жизнь своего супруга. Хотя и бывшего.

– Я тебя не совсем понимаю.

– Она пришла просить за человека, который раньше был ее мужем, – пояснил Вейдеманис.

– А сейчас?

– Сейчас он женат уже третьим браком, – сообщил Эдгар, – представляешь? Третьим браком. Когда она мне сказала, я чуть не подпрыгнул на месте. Есть еще такие женщины – «декабристки», которые готовы ради своего мужа пройти через любые испытания. Он бросил ее лет двадцать назад, хотя обеспечивает достаточно неплохо. В середине девяностых женился во второй раз, а в середине нулевых – в третий. И, несмотря на его последующие браки, она пришла и просит для него помощи. Она честно призналась, что ждет возможных неприятностей и боится за жизнь своего бывшего мужа. И между прочим, отца ее единственной дочери.

– Сколько лет девочке? – спросил Дронго и, не дожидаясь ответа, предположил: – Если они развелись двадцать лет назад и у этой

шестидесятилетней есть дочь, то ей, должно быть, лет двадцать пять или тридцать.

– Двадцать восемь, – улыбнулся Вейдеманис, – и мать боится не только за своего бывшего мужа, отца девочки, но и за свою дочь, которая уже достаточно большая.

– Так. Уже интересно. Что хочет эта женщина?

– Чтобы мы спасли ее мужа. Или даже не так. Чтобы мы помогли уберечь ее мужа от возможных неприятностей. Несмотря на его охрану и телохранителей.

– Совсем интересно. У него есть своя охрана и телохранители. Он достаточно состоятельный человек, чтобы позволить себе окружить свою персону надежными профессионалами. Политик или бизнесмен?

– Бизнесмен. Один из самых богатых людей, по версии журнала «Forbes».

– И поэтому бывшая супруга так за него боится, – спросил Дронго, – может, она боится не за него, а за свои деньги? Если он ее обеспечивает, то вполне возможно, что в этой необычайной заботе есть и ее конкретный корыстный интерес.

– Никакого интереса нет, – возразил Эдгар, – я все уточнил. Он перевел на ее счет три миллиона, и она может жить всю остав-

шуюся жизнь на одни проценты. И вообще, деньги ее, видимо, мало интересуют. Судя по ее виду, ей осталось жить не так долго. Во всяком случае, разговаривая со мной, она прилагала определенные усилия. А перед домом стоял ее «Мерседес» с водителем и, очевидно, секретарем. Когда наша гостыя вышла, они бросились к ней и помогли усесться в салон машины.

– Может, вторая женщина была ее дочерью?

– Не похоже. Она обращалась к нашей гостые на «вы», и ей лет пятьдесят, не меньше. К тому же она иностранка, так как говорит по-русски с очень сильным немецким акцентом.

– Может, она очень воспитанная дочь, – недовольно заметил Дронго. – Очень интересное дело выходит из твоих слов. Появляется неизвестная пожилая дама, которая тяжело больна и прилетела в Москву только для встречи со мной. Выясняется, что она боится за отца своего ребенка. Хотя у этого мужика есть собственная охрана и огромные деньги, если три миллиона он выделил только своей первой жене. И еще две жены, наличие которых почему-то не очень волнует его первую жену. Все правильно?

– Да. И она оставила чек на сто тысяч долларов. На предъявителя в немецком банке, – вытащил чек Вейдеманис. – Отправим обратно или ты все-таки захочешь проверить это дело?

– Какие вы все меркантильные... – Дронго забрал чек у своего друга и положил его в карман. – Если все время думать только о деньгах, то постепенно исчезнут все нравственные ориентиры. Тогда станет возможным брать деньги и помогать преступникам уходить от наказания, сваливать вину на невиновных и тому подобное. Так можно будет далеко зайти.

– Но чек ты у меня отобрал, – улыбнулся Эдгар.

– Чтобы не соблазнять тебя такой большой суммой, – парировал Дронго.

Вейдеманис коротко рассмеялся.

– Мне тоже эта история показалась достаточно интересной, и я решил, что ты обязательно захочешь в ней разобраться. Если, конечно, до этого не произойдет ничего особенно страшного.

– Кто этот человек?

Вместо ответа Эдгар достал глянцевый журнал, развернул и показал его Дронго.

– Не может быть, – нахмурился тот, – неужели это сам Илья Смыкалов?

– Именно он. Тот самый Смыкалов, с которым ты встречался пять лет назад.

Пять лет назад было решено помочь семьям трех убитых в Дагестане сотрудников полиции. Хотя тогда они еще назывались сотрудниками милиции. Обратились к нескольким людям, имеющим возможность помочь семьям погибших офицеров. Смыкалов согласился дать только десять тысяч долларов. Остальные двое дали по пятьдесят. Сто десять пришлось делить на три семьи. Тогда еще десять тысяч долларов добавил сам Дронго. Офицеры погибли в результате засады, в которую попали не по своей вине. У всех троих остались семьи, в двух из которых дети были еще грудного возраста. Дронго посчитал для себя невозможным остаться в стороне от трагедии. И получилось, что он и один из самых известных олигархов внесли одинаковую сумму. Смыкалов тогда настоятельно просил нигде и никогда не упоминать его имени в качестве благодетеля. Он принципиально никогда и никому не давал денег. По своей основной профессии он был финансистом и именно поэтому хорошо знал цену деньгам. Поговаривали, что Илья

Смыкалов много лет проработал рядовым финансистом на одном из крупнейших комбинатов страны и только после распада Союза начал быстро делать деньги, выдвигаясь в ряды наиболее известных и богатых людей страны.

– Значит, к нам приходила первая супруга Смыкалова? – вспомнил Дронго.

– Именно так. И она оставила чек на сто тысяч. Я вспомнил, как ее муж дал десять трем семьям погибших офицеров милиции. И ты добавил еще свои десять. И поэтому решил, что тебе будет интересно заняться именно этим делом. Если человек такой жмот, что за его охрану и безопасность готова платить первая жена, то это само по себе интересно. Тем более если речь идет о твоём знакомом Илье Смыкалове.

– Давай снова и по порядку, – предложил Дронго. – Когда приходила его первая супруга?

– Четыре дня назад. Она оставила деньги и попросила срочно с ней связаться. Оставила свой электронный адрес и сказала, что находится на лечении в Берне. Мы можем связаться с ней по «Скайпу», если захотим поговорить.